

Dec. 16, 2003

Ivan Hewett

From Russia with amore

BARBICAN

EVER since he carried off the title of Cardiff Singer of the World in 1989 (narrowly beating the local boy, a certain Bryn Terfel), Dmitri Hvorostovsky has been in that elite company of singers that's always on the move from one international opera house to another.

And no wonder, as his voice must be one of the most riveting and personal of any singer in the world. It's not as big as Terfel's, but it's no less compelling, and Hvorostovsky is just as powerful a presence, with that amazing shock of spun-platinum hair. Frankly, we could have done with more of him and less of the Moscow Chamber Orchestra, which was decidedly lacklustre in the purely orchestral contributions to the evening.

One of Hvorostovsky's great qualities is an aristocratic finesse, which showed itself in the first half of the concert, devoted to Italian operatic arias. The turns and chromatic runs in Gluck's "O del mio dolce amor" were shaded in with amazing delicacy, and Mozart's famous mandolin aria "Deh, vieni" was sung with slow, ruminative sweetness.

In the second half there was a change of mood. Like Bryn Terfel, Hvorostovsky has kept his roots, and makes a speciality of those sweetly sentimental Russian salon songs of the 1920s and '30s, of which we now heard several. But, unlike Terfel's, his roots are mixed. Hvorostovsky has an Italian wife, he's immersed himself in Italian song to the extent of learning the Neapolitan dialect, and in this second half Italian popular song loomed just as large as Russian.

Part of the pleasure of the evening was savouring the subtle changes in mood between them. The Russian songs leaned towards stoical tragedy rather than effusive emotionalism, but the kinship of sound and feeling was fascinating - abetted on this occasion by the quartet of Russian folk musicians playing alongside the orchestra. The delicately melancholy tremolando of the domra and the hammered gusli or dulcimer were just as prominent in the Italian songs as in the Russian, which was hardly authentic. But it seemed exactly right.

And Hvorostovsky's performances, whether in familiar Neapolitan numbers such as O Sole Mio or the completely unknown Russian songs, were utterly persuasive. I'd never heard of L D Malashkin or his extravagantly melancholic O, if only I could express in sounds, but it certainly hit the spot, and not just for me. I'd swear there wasn't a dry eye in the house.

16 декабря 2003

Иван Хьюэтт

Из России с любовью

БАРБИКАН

С тех пор как Дмитрий Хворостовский завоевал титул Cardiff Singer of the World в 1989 году (с небольшим отрывом опередив местного исполнителя, некоего Брина Терфеля), он входит в элитный круг певцов, постоянно перемещающихся между ведущими оперными театрами мира.

И неудивительно, ведь его голос, пожалуй, один из самых захватывающих и самобытных среди всех оперных голосов мира. Он не такой мощный, как у Терфеля, но не менее притягательный, и Хворостовский выглядит так же эффектно, с этой потрясающей гривой серебристо-платиновых волос. Честно говоря, нам хотелось бы больше его и меньше Московского камерного оркестра, который выглядел довольно вялым в чисто оркестровых номерах этого вечера.

Одно из главных достоинств Хворостовского — аристократическая утонченность, ярко проявившаяся в первой части концерта, посвящённой итальянским оперным ариям. Украшения и хроматические пассажи в арии Глюка “O del mio dolce amor” были исполнены с поразительной деликатностью, а знаменитая мандолинная ария Моцарта “Deh, vieni” прозвучала с медленной, задумчивой нежностью.

Во второй части настроение изменилось. Подобно Брину Терфелю, Хворостовский не забывает о своих корнях и делает акцент на сентиментальных русских салонных песнях 1920–30-х годов, несколько из которых прозвучали в концерте. Но, в отличие от Терфеля, у него смешанные корни. Жена Хворостовского итальянка, и он настолько погрузился в итальянскую песню, что выучил неаполитанский диалект, и во второй половине концерта итальянская популярная песня заняла столь же важное место, как и русская.

Одним из удовольствий вечера было ощущение тонких переходов настроения между этими стилями. Русские песни тяготели к сдержанной, стоической трагичности, а не к бурной эмоциональности, но сходство звучания и настроения было завораживающим - тем более, что в этот раз вместе с оркестром выступал квартет русских народных инструментов. Деликатно меланхоличное тремоло домры и звучание гуслей (или цимбал) были столь же заметны в итальянских песнях, как и в русских - что, строго говоря, не совсем аутентично. Но это казалось абсолютно уместным.

И выступления Хворостовского - будь то хорошо знакомые неаполитанские песни вроде “O Sole Mio” или совершенно неизвестные русские романсы - были исключительно убедительными. Я никогда не слышал ни о Л. Д. Малашкине, ни о его чрезвычайно меланхоличной песне “О, если б мог выразить в звуке», но она, безусловно, попала в самую точку, и не только для меня. Готов поклясться, в зале не было ни одного человека с сухими глазами.

Перевод с английского Н.Тимофеева